

он хочет приехать. Тон писем дружеский, в нем – признание взрослости племянника, выкормленного им, уважение к нему как к равному.

Планы на будущее для самого Федора Михайловича не ясны. Служба его не привлекает. Писателем – это ясно – пока он стать не может. Он вынашивает в себе какие-то неопределенные мечты, которыми не с кем поделиться. Дядя их не поймет.

«Забитые люди», ведшие жизнь городских обывателей с их заботами и нуждами, выдвинули в литературу человека из своей среды. Но тема жизни людей, составляющих этот клан, не станет главной. Как и А. М. Горький позднее, Решетников заговорит голосом не только униженных, сколько оскорбленных, не столько замирающих в страхе перед жизнью, сколько ищущих, где же лучше и как лучше. Он станет голосом не мещанской болотной Руси, а голосом рабочей массы, за которой было будущее.

Публ. М. И. Дергачевой

В. В. Эйдинова

ПРЕКРАСНАЯ СТРАННОСТЬ...

Мои встречи с Валентином Ванифатьевичем Короной были очень нечастыми и всегда – полемическими. *Полемическими* – это определение, которым я пытаюсь передать какую-то существенную, органическую для его натуры сторону, приближается к его человеческому Лицу, видимо, несколько отдаленно. К нему – как я теперь чувствую и понимаю, держа в руках его книжку об Анне Ахматовой, – приложим такой ряд благодарно-прощальных слов, которые окажутся способными выразить его удивительную, поражающую непохожесть на многих, на каждого из нас, тоже своеобразных, необычных, отличных друг от друга людей. Однако степень его человеческой редкости превышает, думается, то, что можно сказать о самобытности самых замечательных в своей единственности личностей. «Особость» его, как мне кажется, проявлялась в той *безграничной уверенности в правоте своего взгляда, своего понимания* (в нашем с ним случае – понимания специфики ахматовского мира, его пафоса, его выстроенности). И вера его в найденный им образ поэта представляла настолько непререкаемой, что диалог с ним не мог быть спокойным, ровным, логически выстроенным... Совершенно безусловные для меня (как и для целой группы преподавателей-филологов) представления, соображения, аргументы, только что казавшиеся не только вполне убедительными, но очевидными и даже тривиальными, вдруг в диалоге с Валентином Ванифатьевичем теряли свою прочность и доказательность, «становясь» на дороге сомнения. Это происходило, в чем я была уверена ранее и остаюсь уверенной и сейчас, благодаря той самой непреходящей вере его не только в свой «предмет», но, главное, – в свой подход к поэтическому тексту и в итоге – в свои выводы и результаты.

Выводы Валентина Ванифатьевича были далекими от индивидуальности А. Ахматовой, ибо он не воспринимал ее поэзию эстетически, подходя к ней скорее экспериментально, научно-естественным путем. Но убедить его в неточности и неадекватности избранного им решения было поистине невозможно. Его упор-

ство вызывало во мне не только несогласие, непонимание, но и неудовольствие, даже – раздражение... Но вот теперь, углубившись в эту, тоже удивительную (по своей верности художнику, по влюбленности в его поэзию и вместе с тем по несгибаемости веры в свой путь, по существу, неадекватный творчеству Ахматовой) книгу В. В. Короны, я преклоняюсь перед безмерной привязанностью автора – биолога, естественника – к великой поэзии А. Ахматовой. И, главное, я преклоняюсь перед личностью, которая так верна себе, своим знаниям, ощущениям, своему наитию. Такая несгибаемая вера в свой путь, в его оправданность и законность чрезвычайно высоко поднимает в моих глазах этого человека, который своей упорной верой-страстью, своими открытиями-заблуждениями, своими нескончаемыми исследовательскими пробами и отказами от них искал путь, который ему представлялся подлинным.

Все сказанное делает в высшей мере привлекательным и значительным облик ученого, готового на страдания, поражения, но и на великую радость вхождения в тайну творчества. Подобная – *ищущая* – атмосфера жизни и деятельности. В. В. Корона дает право всем, кто знал его, кто соглашался или не соглашался с ним, гордиться тем, что мы, каждый по-своему, со своими заблуждениями и открытиями, живем в том мире творчества, которому бескомпромиссно отдал себя этот неординарный человек.

В. Б. Корона

ПОЭЗИЯ АННЫ АХМАТОВОЙ: ПОЭТИКА АВТОВАРИАЦИЙ

(отрывок из книги)*

Первые розы

Дешифровка авторского смысла произведения «Последняя роза» предполагает предварительное выявление авторского смысла слова «роза» и системы образов, с ним связанных. Поэтому начнем не с «последней», а с «первой» Розы.

Невозможно с полной достоверностью сказать, какая Роза самая первая в поэтическом мире Ахматовой, поэтому будем ориентироваться по авторской датировке произведений.

Впервые розы упоминаются в 1910 г. в цикле «Обман», в первой и четвертой частях этого произведения. В начале первой части говорится о «весенних» Розах:

Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней...
<...>
О, сердце любит сладостно и слепо!
<...>

* Екатеринбург, 1999. С. 48–55.
© В. В. Корона, 2001